

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК ПОЭМЫ «ДЕМОН»

Посвящение

Тебе, Кавказ, суворый царь земли,
Я посыпал слова стих небрежный;
Кы сына, ты его благослови
И осене вершиной белоснежной!
От юных лет к тебе мечты мои
Приводили субъю неизбежной;
На Севере, в стране тебе чужой,
Я сердце твой всегда и всюду твой!—

Еще ребенком, робкими мечтами *)
Барабался я на горные скалы,
Улитые туманными чалмами,
Как головы поклонников Аллы.
Там ветер машет вольными крыльями,
Там почевать слегаются оры;

Часть первая

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над громной землей,
И лучших дней воспоминания
Прел ими теклиши толкой:
Тех дней, когда в жилище света
Была он, светлый герувим,
Когда бегущая комета
Ульбкой ласковой привела
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы
Он стройным хором возводил
Боцующие караваны
В пространство брошенных светов;
Когда он верил в любви;
Счастливый перенес творенья
Не знал ни страха, ни сомнения,
И не грозил душа его
Беков беспомыслом ряд унылои,
И много, и много, и всего
Припомнить не имел он силы! —
С тех пор, отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта;
Во слез за веком век бежал,
Как за минуту минута
Однообразной чередой;
Над утомленной землей

Обломки старых поколений
Стопились новой толкой
Живых забытых творений;
Но цветы были для детей
Отецов и праотцов уроки —
У переменивших людей
Не изменились пороки:
Все также громкие слова,
Храня старинные права,
Умы безумные волновали;
Все то же малые печали
Ничтожных жителей земных
Смешными казались подражанье
Иным, воззванным страданьем,
Не предназначеным для них.

И над вершинами Кавказа
Изгнаник раз пролетал;
Поз ним Казбек, как грэн алмаза
Снегами вечною сиял;
И глубоко внизу черем,
Как трещина — жилище змея —
Вился излучистый Дарыя;
И Терек, прыгая как львица,
С косматой гривой на хребте,
Ревел — горный звезд и штипа,
Граждас в лазурной высоте,
Глаголю все его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека,
Грох на Север провожали;
И скалы тесном толпой
Таинственной демотой полны
Над ним склонились головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У твоих Кавказа на часах
Сторожевые великаны. —
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир! — но гордый дух
Презрительный окунул оком
Творенья Бога своего —
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Кворм раскинулись вали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные руины —
Звонко-бугристые ручьи;
По дну из камней разноцветных —
И куки роз, где соловья
Поят красавин, безответных
На сладкий голос их любви; —
Чинар развесистые сени,
Густым венчалище плющем; —
Ущелья, где пальмами днем
Таится робкое солнце; —
И блеск, и жизнь и шум листов —
Словесный говор голосов —
Лыханье тысячи растений,
И подина сладострастной зной —
И ароматной росой
Всегда увлажненные почвы —
И звезды, яркие как очи,
Как взор Грузинки молодой!..
Но кроме зависти холоной
Природы блеск не возбудил
В группах изгнанника беспомыслом,
Ни новых чувств, ни новых сил.
И все, что пред собой он видел,
Он презирал, или ненавидел.

Высокий кум, широкий двор
Седой Гузал ее построил;
Трудов след он много стоял
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат сосеных гор
От стен его ложатся тени;
В скеле нарублены ступени —
Они из бани угловой.
Ведут к реке. Но ним, мелькая,
Покрыта белым чадром,
Была Тамара молодая.
К Арагве ходит за водой.
Всегда безмолвно за колыни
Гладел с утеса мрачный кум;
Но шир большой сеголин в нем:
Звучит зурна и льются вина.
Гудал сосватал дочь свою.
Ни пир он зовал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:

*) Слово «мечтами» — явная опишка. В списке «мечтами» подчеркнуто и рядом, той же рукой написано карандашом «стопами».

**) Слово «послушный» — явная опишка. В списке это слово подчеркнуто карандашом. Следует, очевидно, читать «послушный».

Я в гости к ним летал мечтой
Послушной,
Я сердцем был товарищ их послушный **)
С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал твоих ты
встретил;
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнанику бы радостен и светел;
Он прорыл в грудь мою забвенья бед,
И дружно я на дружный зов ответил;
И ныне здесь в полнотном краю
Все о тебе мечтаю и пою.

Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальными горами
Уж спрятан солнце полукруг.
И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной —
В ладони мерно ударяя
Запели все — одной рукой
Кружка его над головой.
Улечена летучая пляской,
Она забыла мир земной.
Ее узорною повязкой
Играет ветер, как волна,
Нескромной думой полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жажды страсти полон вгляд —
Как страсть, паливший и глубокий.

Клянувшись полночной звездой,
Лучем Заката и Востока,
Властитель Персии златой
Не целовал такого ока;
Гарема брызгающим фонтан
Ни разу жаркой порой
Своей алмазной росою
Не омывал подобный стан;
Еще ныне рука земная,
По милому члену блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был раза,
Клянувшись красавица такая
Под солнцем Юга не цвела!..

И Демон видел.. на мгновенье
Незасимное волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой душа его пустыню
Наполнил благородный звук...
И ныне постигнутое он святнию
Любви, добра и красоты!..

В уме холодном и печальном
Воскресли мертвые мечты
О прежних днях, о рое дальнем.

Он подойти хотел — не мог.
Забыть? — забыться не дал бог!

Тогда исполненный досады
На этот мир живой отрады,
Быть может, посланный творцом —
Как бы страшна искушенья —
Дух отрицанья и сомненья
Закрыл глаза свои крылом.

Что пользы? рано или поздно
Она моя! — сказал он грозно.

На брачный пир к закату дня,
Измучив добrego коня,
Спешит жених нетерпеливый.
Арагве светлой он стачив —
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношкою даров,
Кида-едва переступая,
За них верблюдов длинный ряд
Лорогой тянется, мелькая.
Их колокольчики звенят;
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной слов;
Огонь по жилам пробегает;
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает;
Отец мой! пощасти меня!

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

Вдруг впереди мелькнули двое
И больше — выстрем! — Что такое?
Привстал на звонких стременах.
Надвинув на брови палах,
Отважный князь не молвил слова —
В путь сверкнул турецкий ствол.
Нагайка шла — и как орел
Он кинулся — и выстрем снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчался в тишине долины! —
Недолго проглядел бой —
Бежали робкие Грузины.
И стихло все; теклиши толпой

Разгреблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги мочица птица.
Не ждет их морская гробница
Под слоем монастырских плит,
Где практ отловил бы их зары.
Не придут сестры с матерями,
С покрыты белыми чадрами,

С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест;
Зато усердно рукою
Здесь — у дороги, над скалою
На память воздвигнут крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его ласкает обывет
Свою скотскую изумрудной;
И своротив с дороги труной,
Поры усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет!..

Несется конь быстрее лани.
Храпит и рвется, будто к браме;
То вдруг осадит на скалу,
Приспускает ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То разом в землю ударила
Шипами звонкими колыбы,
Взмахнув растрепанным гривой
Вперед не памяти летит..
На нем есть всадник молчаливый,
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремена
И чекрею его видна.
Скакун наездник господина
Из боя вынес, как стрела,
По злая пуля осенна
Его в мраке дрогнула.

В семье Гудала плач и стоны!
Талпится на лворе нарех:
Чей конь примчался запаленный?

Кто бледный всадник у ворот?

Недолго жениха младого,
Лучем Заката и Востока,
Властиль Персии златой
Не целовал такого ока;
Гарема брызгающим фонтан
Ни разу жаркой порой
Своей алмазной росою
Не омывал подобный стан;

Еще ныне рука земная,
По милому члену блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был раза,
Клянувшись красавица такая
Под солнцем Юга не цвела!..

И Демон видел.. на мгновенье
Незасимное волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой душа его пустыню
Наполнил благородный звук...
И ныне постигнутое он святнию
Любви, добра и красоты!..

В уме холодном и печальном
Воскесли мертвые мечты
О прежних днях, о рое дальнем.

Он подойти хотел — не мог.

Забыть? — забыться не дал бог!

Тогда исполненный досады
На этот мир живой отрады,
Быть может, посланный творцом —
Как бы страшна искушенья —
Дух отрицанья и сомненья
Закрыл глаза свои крылом.

Что пользы? рано или поздно
Она моя! — сказал он грозно.

На брачный пир к закату дня,
Измучив добrego коня,
Спешит жених нетерпеливый.
Арагве светлой он стачив —
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношкою даров,
Кида-едва переступая,
За них верблюдов длинный ряд
Лорогой тянется, мелькая.
Их колокольчики звенят;

Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной слов;

Огонь по жилам пробегает;
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает;
Отец мой! пощасти меня!

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И вот часовня на дороге;
Тут с давних лет поет в бого
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый искательной рукой.
С тех пор на праздник или на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердно молитву
Он у часовни приносил.

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
По пререз молодой жених
Обычай прадел своих: —
Его коварной метчью
Лукавый Демон возмущал,
Он в мысах под ночного тьмою
Уста невесты целовал!..

Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!..

«Взгляни на свод неб

О ВРЕДНЫХ ВЗГЛЯДАХ «ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА»

В. ЕРМИЛОВ

В одной из статей в «Лит. газете» под заголовком «О взглядах «литературного критика» мне пришлось говорить об ошибках редакции «Лит. критика». Эта редакция обвиняла, что до сих пор наша литература преимущественно только «иллюстрировала» тезисы и не проявляла никакой «самостоятельности», что подавлено большинство советских писателей принадлежит, как писала тов. Е. Усевич, к категории «не слишком размытых о действительности, а иллюстрирующих ту или иную, по выражению Гогеля, «понятую и решенную» идею».

Мне представлялось, что, исходя из этих определений, нельзя бороться за повышение идеального и художественного качества нашей литературы, способствовать углублению самокритики, потому что неверный самый подход. Ведь руководствуясь этими определениями, творчество таких, например, писателей, как Горький и Маяковский, тоже пришло бы «объять» «иллюстрированные» тезисы, потому что они защищали своими произведениями «понятую и решенную» идею — идею коммунизма! Вместе с тем, эти взгляды редакции «Лит. критика» могут затруднить борьбу с действительной «иллюстрированностью» в литературе, состоящей в том, что иной писатель искусственно «подгоняет» свои «образы» под схему. Объявляя всю советскую литературу «преимущественно иллюстрированной», товарищи из «Лит. критика» делали всех виновных серыми, чем и затруднили борьбу с «иллюстрированием», подменяющим художественное творчество. Из таких определений советской литературы могут пристекать самые неожиданные выводы. И в самом деле, один из сотрудников «Лит. критика», как известно, договорился до того, что отказал советской литературе до 1933—34 гг. в праве считаться литературой социалистического реализма, оставил на языке: «Чем же была наша литература до 1933—34 гг., если она не была социалистической и реалистической? Мне казалось неверным заявление тов. Е. Усевича о том, что «поиски героя» у подавляющего большинства наших писателей не только оказываются неудачными по непосредственному результату, но и ведутся в том направлении, где героя найти просто невозможно» (подчеркнуто мною). — В. Е.). Советские писатели, разумеется, еще не создали образа, равного по величию и внутреннему богатству героев нашей эпохи, строителя коммунизма, их попытки нередко оказываются неудачными, нелгубкими. Но утверждать, что они ищут героя «в том направлении, где его найти просто невозможно», — по меньшей мере странно. В каком же другом «направлении» следуют «искать героя»?

Таков был предмет спора. Не следовало бы, может быть, возвращаться к нему? Но в последнем (седьмом) номере появилась передовая статья тов. Г. Лукача «Художник и критик», поднимавшаяся с моей статьей. Мы пожалели ниже существа этой «полемики», — важнее в статье Лукача другое: углубление неверных взглядов на советскую литературу и критику.

В соответствии с тезисом о том, что советские писатели занимаются преимущественно «иллюстрированной» понятой и решенными «для них» идей, и что они поэтому «несамостоятельные», тов. Лукач делает вывод о неизбежности ненормальных отношений между писателями и критиками в данном времени. Он начинает свою статью с заявления: «Нет сомнений: взаимоотношения между художниками и критиками уже в течение нескольких десятилетий «ненормальны». Они еще не стали «нормальными» и у нас, в советской литературе».

Как же можно преодолеть эту ненормальность и в чем ее причины? Оказывается, вопрос очень сложен:

«Необходимо предпосылкой для нормальной взаимоотношения между писателями и критиками является изменение самого типа (подчеркнуто автором) и писателя критика. «Литературный критик» покрекал тем, что он этот вопрос полнял и не раз к нему возвращался; мы, напротив, считаем недостатком журнала, что он не всегда умел проповедовать эти линии достаточно энергично. Взаимоотношения устанавливаются тогда, когда писатель приближается к типу художника-критика, то есть человека, глубоко и самостоятельно мыслящего обо всех жизненных вопросах, в том числе и об искусстве; когда критик преодолевает вредоносные разрывы между философом, эстетиком, историком и критикой. Перед критиками тов. Лукач, как видим, не выдвигает задачу «самостоятельного мышления», повидиму, полагая, что критики уже являются «самостоятельно мыслящими критическими личностями», а писатели еще только предстоит сделать «художниками-критиками». Советский писатель, по мнению тов. Лукача, не мыслит самостоятельно: он — только «иллюстратор».

Ненормальность в отношениях между писателями и критиками, наблюдавшуюся в течение «нескольких десятилетий», тов. Лукач обясняет условиями капитализма эпохи упадка. В советской действительности, по его мнению, существует та же ненормальность и может быть преодолена только в более или менее отдаленном будущем. И вся эта, с позором сказать, «научная концепция», оказывается, есть не что иное, как линия «Лит. критика», по авторитетному разъяснению Лукача!

Мы считаем эту «линию» не только неверной с фактической стороны, но и политически вредной. Между советскими писателями и критиками бывают разногласия, взаимное непонимание, бывает, что плохой критик неизменно критикует хорошего писателя, или наоборот, слабый писатель неизменно «разносит» дельного критика, или хороший писатель и хороший критик синхронизируются в оценке работ друг друга, бывают и другие варианты недоразумений, несправедливости с той или другой стороны и т. д. Но исходить из того, что существует какая-то общая «ненормальность» в отношениях между советскими писателями и критиками и откладывать преодоление этой ненормальности на неопределенное будущее, когда изменится самый тип советского литератора, причем критерием этого изменения устанавливают-

ся слишком уж... «самостоятельно» и произвольно, — все это на руку только недругам советского искусства. Это означает сесть ровно между двумя отрядами социалистической литературы.

Объявляя подавляющее большинство советских писателей «несамостоятельными», тов. Е. Усевич, — как я писал в той же статье в «Лит. газете», — противопоставляя этому большинству Андрея Платонова, как он же изложил из него «самостоятельными» мыслью, — это скорее какой-то вульгарный мрачный бред розановского типа. Русская послепушкинская литература оказывается «великой» только «по форме», а не по своим свершениям, она, оказывается, только вызывает «тоску и горю» у читателя и ничем не могла его «накормить», никак не могла «правильно направить» его в будущее! Чего стоят после этого еще разговоры «Лит. критика» о борьбе с вульгарной социологией? Товарищам, оказывается, ничего не стоит «провернуть» все оценки русской литературы не только Белинского, Добролюбова, Чернышевского, но и Ленина. Тов. Усевич, однако, спокойно скрепила своим именем не только эти дополнения. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит. критике» свои критические статьи. Здесь содержатся также «самостоятельные» мысли, которые, очень мяло выражаясь, следуют сквозь называвшиеся «доморощенными» притчами «речищими» плохо, в плохом доме, под плохим наблюдением. В самом деле, А. Платонов, к примеру, пишет следующее:

«Пушкин согнал и свою ответственность перед народом и, так сказать, замкнулся на борьбе с «действительностью», которая не может быть «самостоятельной» и «действительной» в буквальном смысле, он часто печатает в «Лит

ВЕЛИКИЙ ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА

6 сентября в Москве начались празднества, посвященные 1000-летию великого армянского языка «Давид Сасунский».

Около 10 тысяч трудящихся — работники завода им. Сталина, «Трехгорной Мануфактуры», «Шариководоприника», Станкозавода, студенты и учащиеся, несмотря на холодную погоду, пришли на торжественный вечер, организованный Академией наук СССР, Союзом советских писателей, Комитетом по делам искусств, представительством Армянской ССР и Всесоюзным радиокомитетом в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького.

Открывая торжественное заседание, председатель юбилейного комитета СССР СССР по ознаменованию 1000-летия «Давида Сасунского» А. А. Фадеев сказал:

— Великий армянский народный эпос «Давид Сасунский», чествовать который мы собирались сейчас, сложился в героический период истории армянского народа, в первую освобождения его из газахтов, завоевателей-арабов, в итоге долгих и нарашений войн.

— Войны освободительные — это спасительные, народные войны, когда раскрываются все наиболее геронические и блазонные, сильные стороны души народа. В образе четырех поколений богатырей из «Сасуна» — а Сасун значит ярость — армянский народ воплотил все самые прекрасные и геронические свои черты. И особенно в том из богатырей, именем которого назван весь эпос, — в Давиде — самом могучем, бесстрашном, человечном, спасительном, чистом луною, в этом подлинном образе и подобии самого народа — народа охотников, пастухов, земледельцев, взявшимся за оружие для защиты своего труда и земли.

Как и во всяком стариинном эпосе с глубокими народными корнями, в этом армянском эпосе, сложившимся как целое уже при феодальном строе, запечатлены, однако, черты более древних времен, времен патриархального родового строя, когда не было еще деления людей на богатых и бедных, когда не было еще эксплоатации человека человека, когда человек был свободен от пут человеческих, но был рабом природы и наделял ее сверхъестественными силами.

В эпосе «Давида Сасунского» действуют пары и визирь, но любимые герои эпоса совершают все свои геронические подвиги не для обогащения, не для приобретения господства или тех или иных преимуществ, а для народного блага. Поэтому их верные помощники, друзья, хранители являются лицами народа, сам народа.

Героев эпоса приходится идти на преодоление силы сверхъестественных. Повсюду этих героев носит сказочный характер, но образы самих героев глубоко реалистичны. Это земные обряды. Эти характеры не придуманы, они лежат в ткани народной и вот они вновь воскresли в армянском народе, возрожденном гением Ленина и Сталина к свободной социалистической жизни и вместе с другим народами готовом отразить и отражают врагов социализма, врагов нашей общей, советской родины.

Самого младшего из своих героев — младшего Мгера — эпос сохранил именно для этого наибольшего подвига — освобождения людей и построения справедливого строя. Он, Мгер-Младший, добровольно заточил себя в скалу на многие века и на вопрос пастуха: «Когда отсюда выйдешь, Мгер?» — отвечал: «Если встану, выйду на свет, — не удержат меня земля. Пока этот мир полон зла, пока будет лживая земля, на свет мне не жить. Когда разрушится мир и воздвигнется вновь, когда будет пшеница, как лесной орех, как шиповника ягода будет ячмень, — тогда

примет мой день. Отсюда выйду в тот день».

Народ оказался пророком. Мгер — народ армянский — вышел из своего заточения, над ним, как и над всеми народами Советского Союза, расстиралось слово плодоносных, животворящих лучи солнце на Армянскую Конституцию.

Геронические черты армянского народа — эпоса «Давид Сасунский» находят отклик в душе каждого из народов СССР, и теперь этот великий эпос стал нашим общим достоянием. Труды многих учёных и писателей, среди которых следует отметить товарищ Аброва, Абегина, Гапанчяна, возглавлявших работу комиссии армянского филиала Академии наук по следованию различных вариантов эпоса в один, а также академик Орбели и переводчики эпоса на русский язык — поэт Державина, Кочеткова, Лисикерова, Шевинского, трудаами поэтов других братских республик, «Давид Сасунский» вошел в культурный фонд всех наших народов.

*

Выступавший вслед за тов. Фадеевым А. Н. Толстой рассказал о содержании великого эпоса и его громадном культурно-историческом значении.

Академик И. Орбели в образной речи, посвященной 1000-летнему юбилею эпоса, сказал:

— Всякому, кто не живет жизнью нашего советского народа, может показаться странным, непонятным, что в эти тревожные дни, когда за рубежами Советского Союза громоздятся друг на друга все спущающиеся тучи политических международных осложнений и эти осложнения уже принесли характер острых военных столкновений, — во всех концах и углах нашей страны, все нарастая, идет подготовка к празднованию 1000-летия национального эпоса одного из народов Советского Союза, празднуется юбилей чего-то бесконечно отдаленного от нас. И тем не менее пошедшие до нас из дали веков поэтическое произведение все более притягивает к себе внимание не только учёных, но и самых широких кругов советской общественности. Странное все это может показаться только тому, кто не живет жизнью советского народа, всегда, несмотря на все величие стоящих перед ним политических и хозяйственных задач, умоляющего много внимания вопросам искусства и культуры, вопросам, связанным с потребностями всестороннего озабоченения народов Союза со всем высоким и достойным, что было создано этими народами в прошлом.

Ступилось так, что празднование 1000-летия соединило с событиями, которые вновь показали, как неподъемны силы нашего советского народа, как велика и погромчива любовь к родине верных сынов нашей страны. Мы слышим о выдающихся героях подвигах тех, кто, по внешности ничуть не выделялся среди других граждан нашей великой страны, совершая совершают и будут совершать выдающиеся подвиги.

В такие дни высокое удовлетворение и радость дает создание бесконечной мудрости народных масс, умевших на протяжении веков, под гибом своих и иноземных наемников, выработать правильное понимание причин своих страданий и гибели. В такие дни высокое удовлетворение и радость дает создание бесконечной мудрости народных масс, умевших на протяжении веков, под гибом своих и иноземных наемников, выработать правильное понимание причин своих страданий и гибели.

Войны не нужны народу, народ не хочет проливать ни своей, ни чужой крови в угоду париж-захватчикам. Эта мысль красной нитью проходит сквозь всю ткань геронического эпоса. Убий Мера-Мелика и его военачальников, Давид Сасунский говорит простым людям: «Доколь вы жи-

бы, не эпайте войны!». Он не берет никакой добчи в урагов и великоупущен к своим пленникам. Справедливость — основная черта Давила и его сына Мгера, который уходит в глубь рассеченный скалы в ожидании того дня, когда старый, несправедливый мир будет разрушен и из него возникнет новый, радостный мир.

По главной красоте и силе подвига сасунских богатырей, привлекательность их народ для нас в том, что они привыкли проявлять героизм не только с оружием в руках. Их героизм и сверхчеловеческая сила находят себе применение и в мирном труде, всегда направляемом прежде всего на пользу другим. Давид всегда помнит о нуждах сограждан. Их не по силу построить мост, потому что обычено камни сносятся потоком воды. Давид громоздит глыбы на глыбу и закладывает устои моста. Давид — простой житель Сасуна. Так же, как его отец и сын, он не извлекает никакой личной выгоды из своих подвигов. Вот этим и привлекает нас эпос о сасунских богатырях. Он правдив и славит тех героев, которых множатся в нашей стране с каждым днем, славит добести, которыми наделен советский народ. Добести труда и любви меча, высоко поднятого на страх врагу, на защиту родины, меча, разящего, как молния.

О правдивости и простоте, как о цепейных чертах армянского народного эпоса, говорил также представитель коллектива авторов эпоса им. Сталина т. Л. А. Хайлов.

— Мы любим правду, — говорит т. Хайлов, — гордимся правдой, боремся за правду, производя, которые пронизывают глубокой мыслью и теплотой, произведения, которые несут в себе богатство и глубину народной мудрости, пользующиеся у нас большим уважением.

«Давид Сасунский» — сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Мы любим правду, — говорит т. Хайлов, — гордимся правдой, боремся за правду, производя, которые пронизывают глубокой мыслью и теплотой, произведения, которые несут в себе богатство и глубину народной мудрости, пользующиеся у нас большим уважением.

«Давид Сасунский» — сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из жемчужин народной сокровищницы многонационального союза братских республик.

Сказ о мудрости армянского народа, он проникнут благородством героя, неустранимых защитников родины, презренiem к трусам, демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям. Это — шедевр творчества армянского народа и одна из

Неизвестный список поэмы «Демон»

Окончание

Начало см. на 2-й стр.

И, чудный, только ожил!
Иль почелуя, иль лепиши? —
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно из немой печали
Ута родные певоловы...
Нет, смерти вечную печать
Ничто в силах уж сорвать!

И все, где пылкой жизни сила
Так вянтою чувством говорила,
Теперь один ничтожный прах:
Улыбка страшная застыла,
Едва мелькнувшая, на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той.
Что в ней? — насмешка ль над
судьбою?

Непобедимо ли сомнение?
Иль к жизни хладное презрение?
Иль с небом гордая вражда?
— Как знать? — Для света навсегда
Утрачено ее значение!

Оно невольно манит взор,
Как древней надпись узор,
Где может быть под буквой странной
Тянется повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной —
Глубоких дум забытый след.
И долго белой жертвы тленья
Не трогал Ангел разрушенья:

И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор — чужой выражены.
Лишний чувства и ума,
Таинственный, как смерть сама.

Спи непробудно, ангел милый;
Да воцарится тишина!
Над девственной твоей могилой!

И мир душе твоей унылоj,
Где б не носилась она.
Земля недолго обладала
Твоей небесной красотой;
Но больше многих ты страдала.
Люблю более иной.
Твой жребий было исключение —

Твоя душа была из тех,
Которых жизнь одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех.
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их —
Они не созданы для мира
И мир был создан не для них.

И разу не был в дни веселья
Так разноцветел и богат
Тамара праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
На нею льют свой аромат:
И скатая мертвую рукою
Как бы прощаются с землею...
Уж собралась в начальный путь
Друзья, соседи и родные;
Терзая локони седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогорного коня —
И поезд двинулся; три дня
Три ночи путь их будет длиться;
Меж старых, ходовских костей
Принят покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сел
Когда болезнь его сковалася
И час раскаяния пришел,
Грехов минувших в искупление
Построить церковь обещал
На выпавшие гранитные скалы,
Где только вьюги сильнее казались,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека

Вновь успокоился там.
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам —
Как будто ближе к небесам
Теслей последнее жилище.

Едва на жесткую постель
Тамара с пением опустили,
Вдруг тучи гору обложили
И разыгралась метель;
И громче хищного шакала
Она завыла в небесах
И белым прахом заметала
Недавно взвранный ей прах.
И только за скалой соседней
Умолк молчань авук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердию мольбой
За душу грешницы младой...
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстрой
Новорожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащила
Багровой молнии струя;
Когда ж он пред собой увидел
Все, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И взор пронизительный кияд
Из потерянного рая
Ульбкой горькой упрекнул.

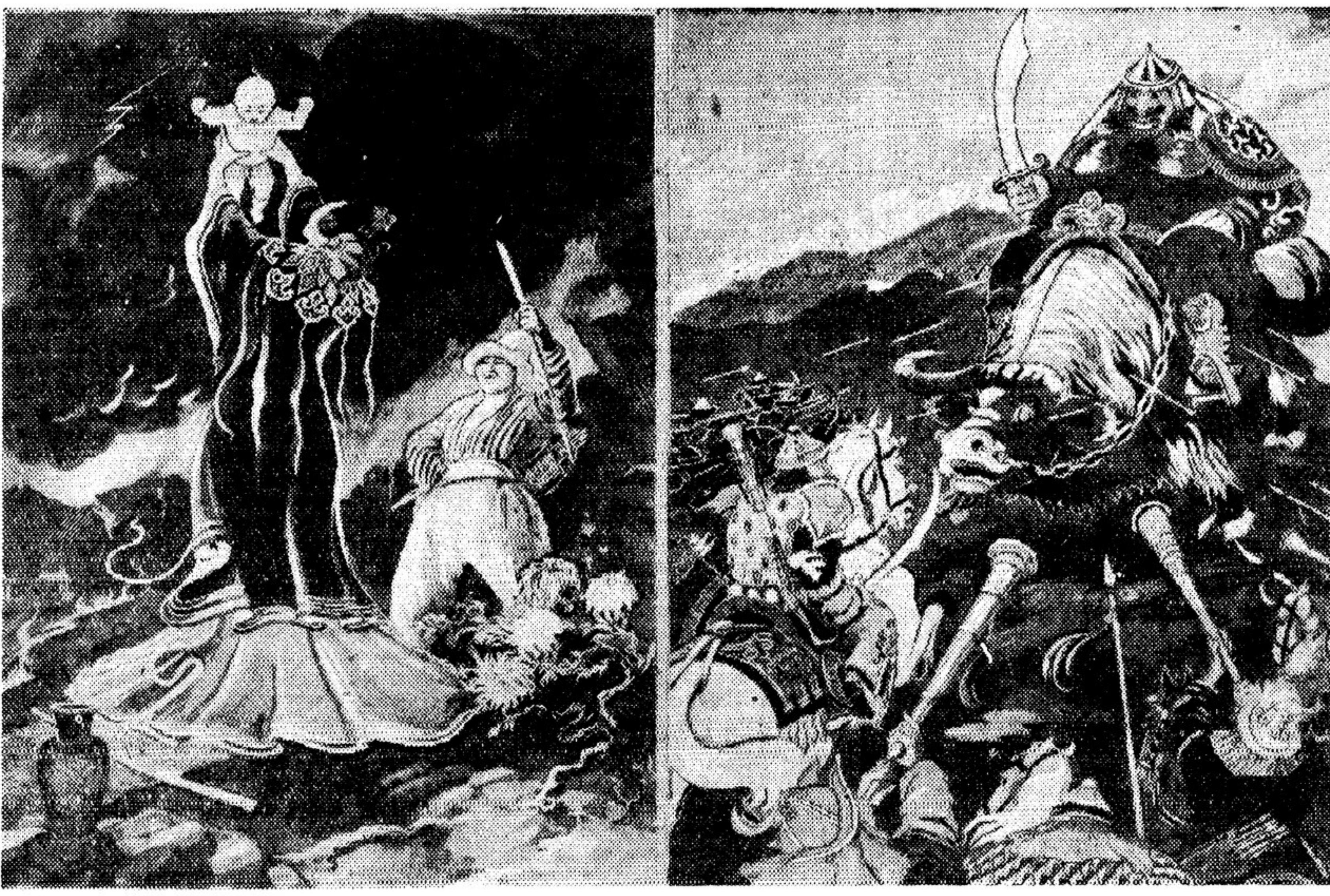
На склоне каменной горы
Над Кайшурской долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы различными стапиппой;
Рассказом, страшным для детей,
О них еще предают поплы...
Как призрак, памятник безмолвий
Свидетель тех волшебных дней
Межку деревьев череши;
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосок неисторный гул
Теряется — и караваны
Идут, земля, издалека;
И низвергаясь сквозь туманы
Блестят и пенится река;
И жизнью вечно-молодой,
Прокладой, солнцем и весной
Природа тешится, шутя,
Как беззаботное детя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью;
И только ждут дуны восхода
Его незримые жильцы —
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Предает сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выплазет
На плиту старого крылья:
То вдруг созерцается в три колыча,
То лежит длинной полосою
И блещет, как блестящий меч —
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный пылающему герою...
... Все иначе — нет пятна следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его.

И там, где кости их истлели
На рубеже зубатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;

Скала угрюмого Казбека
Добычу жаждо сторожит,
И вечный ромт человечка
Их вечный мир не возмущит!

ЛЕРМОНТОВ

Гослитиздат готовит к печати киргизский эпос «Манас». Для этого издания художники Г. Петров и И. Костылев сделали около 150 рисунков, заставок и концовок. Приводим две иллюстрации: слева — «Рождение Алмамбета», справа — «Бой Манаса с Мадыханом».

Гр. ЛЕВИН

СТИХИ О ДРУЖБЕ

...У свете нашага сибростуства
Нікім лігум не разліц.

Алесь Жаурук.

Самое употребительное слово в языке молодого белорусского поэта Алеся Жаурука — «сибирство» — дружба, побратимство. Читаем стихи Жаурука и явственно ощущаешь, как расширяется, вырастает, выходят за привычные пределы традиционного понятия купечества, простираясь на все народы нашей страны.

«Сибирство». Оно начинается еще с детства, с поры совместных игр и шалостей, подигровок и проказ. Этой независимой дружбе детства посвящена прекрасная стихотворение Жаурука «Рогачевская тетрадь». «Дядчик», захваченный в вялости на замке пыт, собирался с друзьями на рыбную ловлю. Ему поинтересовался Роман Козырев — герой всех маменькиных сказок и атаман фабричных хлопцов. Едко высмеял он незадачливых рыболовов, заимствовавших бесланами в таком тре- вожное время: «Значи, што ж, вы зноу на рыбу», мамы?.. Чулі, мажунъ пяты белякі...» И ребята, забросив чёрвей и удочки, забыли о рыбной ловле, пошли с Романом на вокзал доставать оружие.

А на следующий день началась их совместная боевая, дружба: счастливые, вошли они поганы и ели из медных котелков кашу. Отсюда ведет каждый из них свою биографию. Поэтому такую нежность сохранили они в родном городе, где проходило их детство. Когда-нибудь они соберутся еще под рогачевским небом — уже выросшие и взрослые, чтобы вспомнить детство, вспомнить с гордостью за свой город.

Як шумелъ малатыя клёны,
Як між хмарак щіх месеці пльзу,
Як на нашай вільні зяблікі.
Сам Сламён Міхайлавіч Будзіні
У Дніпры кана сваіті пльзу.

«Рогачевская тетрадь» прекрасна своей большой искренностью и лиричностью. Говорят ли поэт о родном городе, «зеленом трижды славном Рогачеве», говорит ли он о матери, которая, как маленький мальчик, провожала его в дорогу, ввалившись кармази золотыми сентябрьскими яблонями?

Алесь Жаурук — Днепровый выходец с берегов Днепра, выдающийся Беларусь. Мастская литература. Минск. 1938.

доками, говорит ли о любимой девушке, которая доставила ему столько обид и горечей, — всюду трогают искренность и простоту, которыми не так часто балует нас за последние времена молчая поэзия. Вот, например, как говорит поэт о провожающей его в дорогу матери:

З самым дарагім, што у свете маю,
Гтугу гарашу слизу
Я глібока у сарыі захаваю,
Праз уе дарогі працяю.

Когда читаешь такие стихи, кажется, что слышал их очень давно. Но это не потому, что они шаблонны. Эти строки кажутся знакомыми, как песня, которую пел в детстве и мотив которой случайно услышал на улице. Тогда припомнешь остальные слова песни и можешь их досказать за поэта.

От детства книга Жаурука ведет нас к поре зрелости. Люди изменились — выросли и вошли в звезды. Но не потому, что они шаблонны. Эти строки ведут каждого из нас к земле Жаурука в дружбе всего народа. Это чувство побратимства, связывавшее его с народом, достигается в своем время: «Значи, што ж, вы зноу на рыбу?.. Чулі, мажунъ пяты белякі...» И ребята, забросив чёрвей и удочки, забыли о рыбной ловле, пошли с Романом на вокзал доставать оружие. Как странно сейчас читать эти холодные и спокойные строки, когда перелистываешь книгу Жаурука и других молодых поэтов — его ровесников. Они сохранили эту сердечность, и не только в декларациях. В стихотворении «Письмо на заставу» рассказывается о дружбе двух молодых ребят, о вельзяных, проводивших ими за Черным морем, в салах Балаклавы. Но однажды утром пришла телеграмма — один из друзей уехал на Амур, на границу. Однако, как и в «Рогачевской тетради», не теряет поэт надежды на новую встречу с другом. Начальник пограничной заставы и мастер столярства встречаются когда-нибудь в Кремле, как разные с разными.

Раздел любовных стихов Жаурука, открывавшийся стихотворением «Лінень», — наглядное опровержение бытовавшего когда-то мнения о необходимости во что бы то стало — хотя бы и механически, во- преки художественности — связать военную «лирическую» и «производственную» тему. Стихи Жаурука слабы как раз там, где эта попытка механической связи двух тем дает себя чувствовать. Таковы отрывки

Партийных рам Толпич в кв. метрах

1932 г. — 16.000 8.300

1938 г. — 75.200 42.600

Первая книга Алеся Жаурука по своим поэтическим приемам продолжает линию лирической поэзии Багрицкого, Светлогорского, Назаревича. С названными поэтами Жаурук связывает напряженный лиризм (ср. особенно «Шестнадцать пагод для заставы»), умеющий чувствовать природу («Лінень», «Ночь»), стремление к сюжетности стиха («Кровью сердца», «Хозяин» и др.). Порой влияние любых поэтов простирается все же о том, что они — результат не книжного восприятия темы, а непосредственно пережитого и прочувствованного.

Жаурук — один из тех молодых поэтов, которых следует называть молодыми, не из-за их возраста или поэтического стажа, а потому, что они — поэты молодежи.

И ЖИЗНЬ ХОРОША И ЖИТЬ ХОРОШО!

Когда мы ищем поэтическое выражение нашей радостной жизни, мы обращаемся к Маяковскому.

И жизнь хороша, и жить хорошо!... — так называла свое выступление на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке художественной самодеятельности Московской области. И в этом мажорном воспоминании выражались мысли и ощущения исполнителей и зрителей.

Сорок тысяч колхозных певцов, плясунов, музыкантов Московской области отбирали на районных смотрах пятьдесят человек посланых в Москву, поручив рассказывать о колхозной жизни, показывать свое искусство.

Встреча колхозников и москвичей состоялась на сцене в Зеленом театре.

Утро. Нежное и замечательное утро, как у Грига в «Пер Гюнте». Тишина. Первые лучи солнца и первые звуки пробуждения природы. Просыпаются колхоз. Задел петух. Пастух играет. Тракторист с видом идет к колхозу. Приближается девушки с ведрами на коромысле. Встреча...

Молодая пара у колодца поет лирическую песню.

Расцветает за оврагом
Болотником голубь,
Ходят рабочие легким шагом
Вслед за мной и за тобой.

Сценарий представления написан В. Гусевым совместно с постановщиком С. Алексеевым. Авторы остроумно использовали все элементы театрализованного зрелища: чтение, пантомиму, балет, музыкальные выступления, сольное пение и хор.

Помимо многих народных русских песен, участники исполняют ряд песен, специально написанных поэтами: Лебедевым, Кумачом, Гусевым, Исаевым, Сурковым. Композиторы Дунаевский, Новиков, Коваль, Захаров, Васильев-Бугай, Спальянка, Маслов, Марковский, Черемухин, Лазарев, Листов пришли на сцену в музыкальном спектакле.

Декорации и костюмы художников Рындиной, Андрея и Ахмедлиани превеликолепны.

Итак, переходной культурный колхоз встречает гостей. Веселые шуточные эпизоды и бытовые картины предваряют радость встречи. Горе-фотограф снимает колхозников, ребята облипли на чайной машине, трактористы на автомобиле, который был оттеснен сидеть в кресле. Но вот и гости прибыли. Веселые песни меняются задорными танцем. Хор исполняет песню трактористов. Словно вихрь — пляска красноармейцев ансамбля Московского военного округа.

Песней почтования открывается торжественный обед. Это — гимн изобилия.

Хорошо за столом. Но не единий хлебом (гуси, окороки в пирогах) жив человек. Для гостей приготовлен концерт. Обеденный оркестр народных инструментов исполняет синтуз из русских песен в инструментовке К. Алексеева.

После стремительной русской пляски — зачищие. Чешутся тетушки Христины. Квартет запевает, а хор подхватывает песню о тетушке Христине, которая «семью птицами, и все семеро удачу на земле находит».

Вознавленная тетушка Христина говорит о Ленине и Сталине, которые вывели ее на колхозную дорогу, которую к счастью.

Полетят машины, коллегаты колхоза едут на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву.

Меняются декорации, зрители следят за кинопрокатом. Там на машинах, в электропоездах, по Москве-реке Волга-каналу, едут в Москву на выставку коллегаты.

Б. КРЕМНЕВ.

Можно бы еще простить, когда вместо модели дизель-электрического флагмана ледового флота нам показывают в буквальном смысле слова детскую игрушку, на которую пожалела мель и стекло и где вместо иллюминаторов замалевано какое-то тупое многоугольник.

Можно простить полнейшее отсутствие чего бы то ни было, напоминающего о юности моряка или о китобойном промысле, техники которого на нас совершенно не влияет. Но искрительная и обобщающая все, начиная от самолетной разведки и кончая пловчими заломами, привозимыми из открытого океана портами готовыми банками консервов.

Можно наконец (хотя и трудно) не припрятаться даже к тому, что роль азиатов в Арктике свелена к фото известных машин, и лобыбогишашил пифра грузооборота — 16.600 тонн за 1938 г., пифра, показываемая в экспозиции из открытого океана портами готовыми банками консервов.

Все это, повторю, можно бы простить. Но нельзя пройти мимо того факта, что основное богатство Арктики — ее люди проходят перед нами как-то вскользь, как-то уж очень между прочим. Этим арктическим павильоном несколько невыгодно отличается от всех других павильонов выставки, в которой сквозь все

У СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

Три конференции

Обычно лучшее время сопровождается засильем в литературной жизни и в творческой работе писателей. Но не в прошлом году, лето 1939 года для писателей Белоруссии было творческими успехами.

Пятеро Глебов закончили пьесу в стихах «Над рекой Вересой», — на бурном 1920 году, о Вересе, о Серго Орджоникидзе, воевавшем на берегах этой исторической реки. Она привата к постановке вторым белорусским гостеструм в Витебске и будет показана в предстоящем сезоне.

Новую комедию — о разоблачении клеветников — закончил Кондрат Крапивин, он называл ее «Тот, кто смешает посланные».

Комедия на общественном членстве признана удачной и также включена в репертуар белорусских театров.

Переделана для оперы кость Якуба Коласа «Дрыгва» — о партизанах. Новую пьесу писал в журнале «Полныяревлюции» Илья Гурский.

* 1940 год в жизни БССР — юбилейный год — 11 июля 1940 года исполнится двадцатилетие основания БССР от боярек. Для ознакомления этой даты готовятся специальные сборники. Русские писатели надают в Беларусь второй альманах (первый вышел в 1933 году), предполагается издание специального сборника о людях западной границы.

Единственный литературный журнал в Минске «Полныяревлюции» получили за последнее время много рукописей, значительная часть которых принадлежит молодым писателям. Начиная с № 5, редакция публикует новый роман Макара Павловича о героях советской родины, мужественных патриотах пограничной Белоруссии. Насколько можно судить по начальному

Творчески активен и один из наиболее значительных отрядов литературы Советской Белоруссии — отряд еврейских писателей. Пот Тельесин, недавно принятый в члены союза писателей, выпустил книгу стихов. Цикл новых детских стихотворений написал Ханя Мальинский.

Из произведений авторов, недавно принятых в союз писателей БССР, представлена интересная пьеса «Леши, Волы» — команда Н-ской азиатчицы БОВО Б. Марковича. Отрывки из этой пьесы печатаются в белорусских газетах.

Подготовка к тысячелетию великого армянского эпоса «Давид Сасунский» в юбилей Коста Хетагурова несомненно будет содействовать усиленному дальнейшей связи белорусской советской литературы с творчеством писателей братских республик.

ЕФИМ САДОВСКИЙ.

ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЯЗЫКОВЕДЕНИЮ

К началу юбилея года Государственная центральная библиотека иностранной литературы организовала выставку учебно-методической и лингвистической литературы. На страницах экспонирована основная методическая и лингвистическая литература, необходимая учащимся в педагогике в их повседневной работе. Это — большие и интересные собрания литературы по вопросам общего языкознания, грамматике, истории языка, фонетике.

На выставке представлены крупные западноевропейские языковеды — Мель, Брюно, Гуженей, Армстронг, Есперсан, Джон, трумы последних лингвистических конгрессов. На отдельном стендце собраны советские памфлеты по лингвистике.

Под стеклянной витриной находятся интереснейшие издания, посвященные научению «мертвых» языков древности (французское издание профессора А. Карпана «Элементы грамматики саксонского языка» и другие).

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

Жизнь Грабовского была непроложительной и поистине трагической. Он был лишен свободы, притом в самом неподственном ее значении... Детство его протекло в ужасающей нужде, ранние годы юности были испаклены бурной и хулиганской семинарии. Уже на восемнадцатом году жизни он был исключен из семинарии и арестован полицией за участие в организации революционного кружка. Спустя три года он уже состоит рядовым пехотного батальона, находившегося в г. Валки, Харьковской губернии. За протест против издавательства офицера над солдатами Грабовского предают военному суду, но раньше, чем «неблагонадежного» рядового успеют выслать в Среднюю Азию, полиция узнает об активном участии Грабовского в харьковской группе «Черного передела». Новую тюремное заключение, следствие, издавательства и побои — надломленный организм поэта не выдерживает, и он психически заболевает... После выздоровления, в 1889 году, Грабовского ссыпают в Сибирь, в Иркутскую губернию.

Возвращаться из ссылки поэту уже не было суждено. В том же году в Якутске разыгралось одно из самых многих злоключий царских палачей — «якутская трагедия». Грабовский, находившийся тогда в г. Балаганске, вместе с другими ссыльными пишет исполненный гнева протест, адресованный царскому правительству и быстро обещающий почти всю Россию. Кара пришла без замедления... За участие в составлении этого документа Грабовского ссыпают еще дальше — на реку Вилья, где в свое время отбывал ссылку Н. Г. Чернышевский. В Вильяке поэт прежде всего наставляет тюремный дом, в котором томился Чернышевский.

«Невыразимая тоска стискивает каждый раз мое сердце, когда я прохожу мимо

Литературная газета

№ 50

6 — РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. К 4-46-19 и К 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездниковский, 10.

Уполн. Главлит Б-5031

К 800-летию Низами Ганджи

В недалеком будущем во Всероссийском театральном обществе будет проведена творческая конференция, созывающаяся Кабинетом Горького и советской праматурии ВТО. Тема конференции — работа писателей и театров над оборонными пьесами.

Конференция пройдет в контакте с представителями РККА. В повестке дня — доклады. Вс. Вишневский — «Красная Армия в искусстве», И. Альтман — «Советский патриотизм и задачи театра», И. Чичерова — «Оборонная драматургия и ее задачи», В. Млечина — «Военно-историческая драматургия», сообщения: заслуженного деятеля искусств А. Попова — «Красная Армия в театре», А. Исаха и А. Машкина — «Воина литература Запада», режиссера-орденоносца А. Довженко — «Красная Армия в кино».

Представитель РПУР РККА выступил с речью о том, что он является Красной Армии от советских драматургов и театра. А. Февральский рассказал об опыте агиттеатров в период гражданской войны.

Кроме оборонной конференции, Кабинет Горького и советской драматургии ВТО предполагает провести близкавшие месяцы совещание на тему «Историческая пьеса и исторический спектакль в советском театре». К участию в этом совещании привлекаются виднейшие историки, в том числе академик В. Тарле.

Намечается также организовать конференцию, посвященную советским комедиям и комедиографии.

В Литературном институте СССР

В Литературном институте при Союзе советских писателей начались занятия. В этом году институт было подано свыше двухсот заявлений. Пришло на первый курс 33 человека. Новый набор выходит отличаться от предыдущих тем, что среди поступивших много молодых писателей, произведения которых неоднократно были напечатаны в различных журналах и газетах или издавались отдельными книгами и сборниками. Например, большая повесть Е. Лавковской «Коучубей счастливые», напечатанная в своем первом альманахе «Год XX», выпущена недавно в Гослитиздате и получила положительные отзывы в центральной печати.

Среди принятых много писателей поэтов из национальных республик. Произведения поэта-орденоносца, члена СССР Бурят-Монгольской АССР Ц. Галсанова знают не только в республике, но и за ее пределами. Основная тема его стихотворений — это счастливая и радостная жизнь советской молодежи. Этому же посвящена большая часть поэтических произведений поэта П. Кономина (член СССР Мордовской АССР), в частности его сборник стихов «Победившая сила». На оборонную тему много писал молодой поэт Д. Чамнико, являющийся членом СССР Бурят-Монголии. Пoesма «Впоха гения» Т. Муханова (кандидат в члены СССР Каахстана), посвященная Сталинской Конституции и XX годовщине Октября, получила третью премию на республиканском конкурсе лучших поэм и песен.

Интересные и занимательные издания, посвященные научению «мертвых» языков древности (французское издание профессора А. Карпана «Элементы грамматики саксонского языка» и другие).

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

ЕФИМ САДОВСКИЙ.

К началу юбилея года Государственная центральная библиотека иностранной литературы организовала выставку учебно-методической и лингвистической литературы. На страницах экспонирована основная методическая и лингвистическая литература, необходимая учащимся в педагогике в их повседневной работе. Это — большие и интересные собрания литературы по вопросам общего языкознания, грамматике, истории языка, фонетике.

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

На выставке представлены крупные издания в СССР и за границей учебников иностранных языков. Выставка экспонирует также обширное собрание старых и новых изданий истории литературы народов Западной Европы. Среди экспонатов этого раздела — «Иллюстрированная история английской литературы» Дж. Кеннеди, «Американская и британская литература с 1890 года» Карла и Марка Валдерен, «История французской литературы» Э. Фаге, труды по истории литературы Франции, Меринга и другие.

Большая часть экспонированных книг сопровождается краткими аннотациями на русском языке.

А. К.

Л. НОВИЧЕНКО

Павел Арсеньевич Грабовский

1864 — 1939

</